

У СОВЕТСКОГО ИСКУССТВА ЕСТЬ ВЫСОКАЯ ЗАДАЧА — АКТИВНО УЧАСТВОВАТЬ В НАПРЯЖЕННОЙ ИДЕЙНОЙ БОРЬБЕ, БЫТЬ ГЛАШАТАЕМ НОВОЙ, КОММУНИСТИЧЕСКОЙ МОРАЛИ. В РЕШЕНИИ ЕЕ ТЕАТР ВСЕГДА ИГРАЛ И ИГРАЕТ РОЛЬ ЗАМЕТНУЮ И ОСНОВАТЕЛЬНУЮ.

Осмысление духовного опыта разных советских поколений, выбор точных нравственных ориентиров, воспитание сильного гражданского чувства ответственности за дело, которому служишь, — вот что, думается, должно определять главное направление поисков жизнеспособного театрального организма. И сразу же встает проблема эстетического идеала, иными словами, проблема утверждения на сцене героя, глубоко причастного ко всему, что так или иначе волнует нас, тревожит или радует.

Живет ли такой герой на воронежской сцене, насколько активен и правдив он, как глубоко его нравственное влияние?

Под этим углом хотелось бы взглянуть сегодня на некоторые работы драматического театра имени А. В. Кольцова.

Едва начался сезон, как театр показал новый спектакль «Красное и коричневое» (пьеса болгарского драматурга Ивана Радоева). Нам довелось уже писать об этой постановке, говорить об издержках литературного материала, скорее документального, нежели художественного. Но можно понять театр, который был увлечен задачей воссоздать на сцене образ Георгия Димитрова, одного из самых обаятельных рыцарей революции. Постановщик спектакля Валерий Соловьев и исполнитель главной роли Юрий Платонов за острейшим накалом идеологического конфликта полярных мировоззрений не проглядели, к счастью, той душевной тревоги и боли за

судьбы людей, которые были так присущи Г. Димитрову — Человеку, подлинному интернационалисту. История и Личность — в этом органическом сплаве двух начал постановочный коллектив нашел ключ к глубокому пониманию Димитровского характера и в то же время открыл для себя путь к серьезным нравственным обобщениям. В спектакле нет нюансов и полутонов, здесь все сделано широким плакатным мазком, позволяющим ощутить масштаб личности Революционера, услышать горячее биение большого сердца коммуниста, борца, гражданина.

Но есть и другой путь утверждения идеала — путь тщательного психологического анализа характеров. Ничем, на первый взгляд, не примечательных. Пять девушек и старшина Васков — герои повести Б. Васильева «А зори здесь тихие...» инсценированной и поставленной тоже В. Соловьевым. Исполнительницы не проходят мимо подробностей в биографиях героинь, мимо черточек, делающих их такими, достоверно не похожими друг на друга. У каждой свой внутренний мир и свой опыт, определяющий, в конечном счете, отношение ко всему, что вокруг. Между тем в способе их сценического существования, очень емком и насыщенном, есть поразительное сходство. Оно не только от обычности человеческих устремлений, связанных с таким понятным желанием жить, любить, быть счастливыми, но от воспитанных с детства представлений о чести, совести, верности. В единстве девичьих судеб — ут-

верждение абсолютности закона общественного долга, патриотической самоотверженности советских людей.

Воспроизведение внутреннего мира социально активной личности (независимо от хронологических рамок ее жизни) — задача в высшей степени благородная, доказывающая зрелость эстетических устремлений коллектива и его художественного руководства. Но едва ли не самое главное и самое трудное в искусстве — это умение ставить и разрешать сложные, волнующие вопросы на материале жизни своих современников. Театр продемонстрировал это умение, обратившись к широко известной пьесе Игнатия Дворецкого «Человек со стороны» (режиссер Глеб Дроздов). О достоинствах спектакля уже писали в местной и центральной прессе, говорили на многочисленных зрительских конференциях. Не случайно. В этой работе, как ни в какой иной, проявилось стремление театра к созданию яркого портрета современника, к нравственной и гражданской бескомпромиссности.

В одном из последних номеров журнала «Новый мир» известный философ и социолог Федор Бурлацкий, говоря о пьесе, довольно скептически отнесся к ее герою Чешкову, чьи претензии одному сыграть роль реформатора производства, показались ему наивными. Может быть, так оно и есть, если не выходить за рамки чисто производственного конфликта. Сила же нашего спектакля отнюдь не в производственной достоверности, а в столкновении двух разных представлений о жизни, в противостоянии нравственности, трактуемой как доброта всепрощенчества и нравственности, синоним которой — обостренное чувство долга перед людьми,

ответственности за все, что делается ими и для них.

Так глубокое исследование характеров и определенность гражданской позиции обусловили художественный успех спектаклей, имевших вследствие этого широкий общественный резонанс.

Вместе с тем хотелось бы заметить, что само по себе обращение к этически важной проблеме успеха еще не гарантирует. В том большом разговоре, который начал театр о гражданском долге, о нравственном облике современника, едва ли не решающую роль играет, так сказать, глубина вспашки. Зритель нынче очень изменился, он, безусловно, вырос, шире и серьезнее стал его эстетический кругозор. Сегодня никто уже не ждет от спектакля назидательных сентенций или хрестоматийного примера для немедленного подражания. Театр суть кафедра, на которой всем нам хочется видеть собеседника яркого, темпераментного, мыслящего глубоко и оригинально. Причем последнее качество, судя по всему, наиболее ценно. Куда как ярко был, например, «Человек и джентльмен» (пьеса Э. де Филиппо, режиссер Г. Дроздов). Не спектакль фейерверк, огонь! Только никого он не согрел, потому что точек соприкосновения между залом и сценой почти не было. Глубины не хватило, кстати, так же, как и в постановке пьесы Л. Жуховицкого «Одни, без ангелов» (режиссура Г. Дроздова и В. Радуна). Интересная история, поучительная, а спектакль в душу не западает, потому что нравственная проблема в нем ловко сконструирована, но при этом вырвана из сложного жизненного контекста и, самое главное, не обеспечена золотым запасом истинно гражданского чувства. Серьезному разговору о людях режиссура

предпочла скольжение по поверхности их биографий. И это отомстило за себя холодностью сценической атмосферы, приблизительностью решений.

Руководству театра нельзя отказать в последовательности. Любая пьеса, взятая к постановке, так или иначе несет в себе зерна проблем достаточно серьезных. Жаль, не всегда эти зерна прорастают. «Необыкновенный подарок» (пьеса А. Розена и Е. Габриловича, режиссер В. Соловьев), «Пока арба не перевернулась» (пьеса О. Носеллиани, постановка В. Черкезшвили). Разная драматургия, не одинаков и уровень режиссуры. Но объединяет работы, кроме добротного исполнительского мастерства, пристальный интерес к исследованию «рака души», то есть мещанства во всех его многоликих проявлениях. Обидно, что градус успеха в обеих постановках оказался невысоким. Внимание к частным случаям, к ситуации самой по себе подменили анализ далеко не простых явлений. Но театр не протоколист и не стенограф событий. В разоблачении зла, в утверждении добра, конечно, хотелось бы большей глубины и цельности взгляда. Интеллектуальная анемия не для уроков гражданственности, и театр прекрасно доказал это работами, речь о которых шла в начале заметок.

Достижения коллектива, его немалые творческие возможности очевидны. Успех московских гастролей — лучшее тому подтверждение. Сегодня кольцовцы в продолжении поиска, в утверждении своей художественной концепции. Их герои — Мария Одинцова, Алексей Чешков, Федот Васков — не комнатные жители, отгороженные стеной от мира, но деятели, живущие интересной жизнью, полной борьбы, опасностей и побед. И этим они полюбили зрителей, нашли в их сердцах горячий отклик.

В. ТАБАЧНИКОВ.